

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРЕБЫВАНИИ У АДЫГЕЙЦЕВ В ОКРЕСТНОСТЯХ ТУАПСЕ КНЯЗЯ Н. ТРУБЕЦКОГО

Посвящается академику
Всеволоду Федоровичу Миллеру

Интерес к языкознанию и этнологии пробудился у меня довольно рано. Еще гимназистом я регулярно посещал заседания Этнографического отдела Московского Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Решающим для кавказоведческого направления моих научных интересов стал доклад известного исследователя осетин Всеволода Федоровича Миллера, прочитанный на одном из таких заседаний¹. Я усердно изучал кавказоведческую литературу и даже опубликовал после окончания средней школы небольшие кавказоведческие сочинения в журнале «Этнографическое обозрение»². В 1909 году я поступил в Московский университет, где изучал общее и индоевропейское языкознание, но остался верен Кавказу и продолжал мои кавказоведческие штудии. Всеволод Федорович Миллер, знавший меня лично и постоянно поощрявший мои занятия в области кав-

казоведения, пригласил меня в 1910 году провести часть летних каникул на его даче на Кавказском побережье Черного моря³ и заняться изучением языка живущих в этой области адыгейцев. Я принял это дружеское приглашение и съездил туда также летом следующего года и в результате провел в краю адыгейцев чуть больше пяти месяцев. Я использовал это время, чтобы записать возможно больше как связанных адыгейских текстов, так и отдельных выражений и слов. Я был тогда еще очень молод и не имел опыта собирания языковедческих материалов, поэтому позднее, при обработке своих записей в Москве, я должен был признать, что в них иногда были пробелы, требующие дополнений. На многие особенности адыгейской системы звуков и строения языка я обратил внимание лишь при обработке моих записей. Многие детали исследованного мною шапсугского диалекта были мне еще неясны⁴. Поэтому я решил еще

¹ Доклад этот был опубликован: Миллер В. Ф. Кавказское языкознание и вопросы исторической этнографии Передней Азии // ЭО. 1906. Кн. 70–71. № 3 и 4. С. 1–15.

² Подписано буквами Н. С. Т. (Николай Сергеевич Трубецкой), например, «Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня» в Этногр. Обзор. XX (1910). I. С. 88. См. рецензии на книги, там же, 146. (Приведем точные ссылки на эти публикации Н. С. Трубецкого: Н. С. Т. Кавказские параллели к фригийскому мифу о рождении из камня (-земли) // Этнографическое обозрение. 1909. Кн. LXXVIII. № 3. С. 88–92; *Он же*. [Рец. на] Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXXVII. Отд. III. Тифлис, 1907 // Там же. С. 146–151. — Прим. А. А. Алиевой.)

³ В районе Туапсе, примерно 45 километров южнее города Туапсе, в километре южнее устья реки Аше.

⁴ Многие для меня и сегодня остаются неясным, несмотря на опубликованную «Граматику» Н. Ф. Яковлева (*Яковлев Н. Ф.* Краткая грамматика адыгейского [кяхского] языка для школы и самообразования. М., 1930).

раз посетить адыгейские аулы на побережье и на месте проверить все мои материалы, собрать, если удастся, новые и только потом приниматься за публикацию моих записей. Однако различные обстоятельства помешали мне осуществить этот план в ближайšie годы. А затем была мировая война, русская революция, гражданская война на юге России и на Кавказе... Мои планы новой научной поездки к адыгейцам на побережье не осуществились. И когда во время гражданской войны на юге России я покинул родину, то оставил свои записи 1910–1911 годов, а также многие другие рукописи и книги в России, где они и пропали.

Результаты двух моих поездок к адыгейцам, живущим на побережье, погибли. Чисто лингвистическую сторону моих адыгейских исследований нельзя ни реконструировать, ни как-то оценить. Однако моя память сохранила содержание записанных тогда текстов, и этот материал еще может пригодиться фольклористам. В последнее время я замечаю, что и эти воспоминания постепенно начинают стираться из моей памяти, поэтому считаю возможным опубликовать их, причем лишь то, что не вызывает у меня сомнений. Все детали, вызывающие сомнения, я сопровождаю знаком вопроса в скобках или соответствующей сноской. Кроме того, я решил приводить в соответствующей форме те предложения, точный адыгейский текст которых я хорошо запомнил. Эти фрагменты адыгейских текстов не претендуют на абсолютную точность, поскольку прошло уже более двадцати лет, как я их записал, однако они представляют определенный интерес — ведь они записаны на диалекте, значительно отличающемся от сегодняшнего адыгейского письменного языка.

І. ЯЗЫКОВЫЕ СООТНОШЕНИЯ АДЫГЕЙСКИХ АУЛОВ, КОТОРЫЕ Я ПОСЕТИЛ

Нижнеадыгейские аулы, в которых я побывал в 1910 и 1911 годах, назывались Псеушхо, Божьи Воды (черкесск. Псышло — «пресная вода») и еще три аула: Красноалександровский (адыгейское название — Къалэжь — «старая крепость»), второй Лыгъуэтх — «обгоревший горный хребет», название третьего, в мое время очень маленького, я не помню. Ни один из этих аулов не был населен исключительно адыгейцами: в Псеушхо наряду с шапсугами (составлявшими там основное население) жили также несколько абадзехских и бжедухских семей, в остальных аулах, обследованных мною, наряду с шапсугами, абадзехами и бжедухами жили еще хакучины, которые составляли в них большинство. Это были потомки адыгейцев, по какой-либо причине не переселившихся в Турцию после окончательного завоевания русскими Северного Кавказа и рассеявшиеся в лесах; они жили в покинутых адыгейских аулах на побережье до тех пор, пока русская администрация не собрала их в восьми «аулах» Черноморского побережья, а именно: в Красноалександровском, Божьи Воды, Псеушхо, Наджиге, Кичмай, Карповский, Чипка и Псебе⁵. Несмотря на то что в одном ауле жили представители различных племен, по крайней мере в мое время в этих аулах не образовалось действительно смешанных диалектов. Различные диалекты, разумеется, несколько «окрасили» друг друга. Но в принципе каждый житель говорил на диалекте своего рода, что, однако, при небольшом сходстве адыгейских диалектов, не мешало взаимопониманию⁶. Хотя мне и говорили, что многие молодые хакучинцы старались говорить по-шапсугски — что, вероятно, связано

⁵ Аульские общины в Красноалександровском разделились на три, а в Псеушхо — на две общины лишь позднее. Н. Ф. Яковлев упоминает («Краткая грамматика адыгейского (кяхского) языка, с. 14) еще адыгские поселения Мухортово и Голубева Дача. В мое время адыгейцы там не жили. Это были частные владения, принадлежавшие русским хозяевам, где адыгейцы были заняты как сельскохозяйственные работники и батраки. Эти частные владения во время революции были отданы адыгейцам.

⁶ Непосредственное понимание возможно даже между кабардинцем и «кяхами»-адыгейцами. Я знал кабардинца, у которого жена была адыгейка из Майкопа. Он говорил с ней по-кабардински, а она отвечала ему по-адыгейски. Вообще же подобные ситуации возникают и в русско-украинских селах Северного Кавказа, где представители различных великорусских и украинских диалектов живут в одном селе, а иногда и в одной семье и пользуются при общении своими родными диалектами.

с тем, что хакучинский был единственным адыгейским диалектом, над которым все остальные адыгейцы насмеялись⁷. Потеря родного диалекта наблюдалась лишь у тех адыгейцев, которые избрали духовную стезю. А так как единственное адыгейское медресе (духовная школа) находилось на Кубани, то воспитанники этого медресе за время многолетнего обучения осваивали диалект тамошних адыгейцев и забывали родной диалект.

Моим учителем языка был некий Калобат Богусов (Къалэубыт Богъус) из аула Красноалександровский. Он принадлежит к шапсугскому роду натхъокъуадж (русск. натухаджцы) и кроме своего родного диалекта говорил также на отличном русском и турецком. От него я записал большинство текстов. Те тексты, которые я записал от других лиц на других адыгейских диалектах, я также переводил затем с помощью Калобата Богусова на его родной диалект. Таким образом, все адыгейские слова и предложения, которые я привожу далее, даны на том же шапсугском диалекте⁸.

II. ВОСПОМИНАНИЯ О ЯЗЫЧЕСТВЕ

Хотя адыгейцы уже в сороковых годах XIX столетия обратились в ислам, воспоминания о язычестве в мое время были у них еще вполне живы. Всюду мне показывали старые языческие места жертвоприношений (в особенности священные деревья), а в каждом ауле можно было найти стариков, родившихся еще при язычестве. Старцы в возрасте 90, 100 и более лет у адыгейцев нередки. От таких стариков 20 лет назад я мог еще

много узнать о язычестве древних адыгов. Конечно, многие из них были уже не так бодры духом. Другие подчеркивали свое исламское благочестие и разговоры о язычестве считали грехом. Счастливым исключением в этом смысле был абадзех Карбек Хут (КъарбэчI Хъут), которому перевалило за сто, в свое время принявший ислам и как фанатический магометанин сражавшийся против русских. Затем он переселился в Турцию, где, однако, его преследовали лишь несчастья, и, наконец, он вернулся на Кавказ. Казалось, что во всех своих невзгодах он винил ислам, ненавидел Турцию, смеялся над заповедями пророков и демонстративно объявил себя язычником. Я записал от него некоторые данные о прошлой религии адыгейцев, причем эти данные частично подтверждают сообщения Л. Люлье⁹, а частично дополняют их. Согласно этим данным, религия адыгов перед принятием ислама могла быть своего рода «одичавшим христианством», смесью христианства и язычества. Карбек перечислил старые черкесские праздники (названия которых я, к сожалению, забыл), и оказалось, что все они идентичны праздникам восточно-христианской церкви: весенний праздник полнолуния (— Пасха), другой — через пятнадцать дней, когда жилища украшались ветками деревьев (— Троица); два летних праздника, из которых один связан с зажиганием костра (— Иванов день), а другой был посвящен богу грозы Шыблэ (— Илья Пророк, 20 июля); два праздника в честь Мерэм (Св. Мария), один осенью (— Успение Богородицы 15 августа или Рождество Богородицы 8 сентября?),

⁷ Многие адыгейцы сообщали, что хакучинцы — не настоящие адыги, а только «адыгезированы» и что они поэтому не могут выговаривать естественные для нормального адыга звуки — хрипкое *хь*, аспирированное/придыхательное *ш*, слабые (аспирированные) *кь*, *кьу*, *ку*. Возможно, что это утверждение основывается на исторической традиции. Географическое положение хакучинцев на границе между адыгами и убыхами не делает их убыхское происхождение таким уж невероятным. Отсутствие *хь* в хакучинской системе звуков напоминает убыхский. Ср. замечание Л. Люлье (в предисловии к его русско-черкесско-французскому словарю), что говорящие по-адыгейски убыхи узнаются по выговору буквы «х», вероятно, подразумевается *хь*. Также и хакучинская субституция адыгейского *I* (*Iy*) посредством *кь* (или *кьIy*) напоминает об убыхском.

⁸ Далее, на с. 5–6 Н. С. Трубецкой охарактеризовал транскрипцию, которой он пользовался при записи текстов на адыгейском языке. Поскольку по техническим причинам здесь невозможно воспроизвести эти тексты в том виде, как они были зафиксированы ученым с помощью его транскрипции, все примеры на адыгейском языке приводятся в современном написании, а характеристика транскрипции Н. С. Трубецкого исключена из перевода статьи (*Прим. А. И. Алиевой*).

⁹ Люлье Л. Я. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкес // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис, 1862. Кн. V. С. 123–137.

другой в день зимнего солнцестояния (— Рождество). Подробности я уже не помню. Мое внимание привлекло следующее сообщение Карбека о том, что в зимний праздник Мерэм (— Рождество) маленькое деревце с ветками, срезанными до половины, украшают пестрыми лентами и лоскутками, его вносят в дом и при этом поют песню с припевом «Мерэмышхо, Тхьашхоянэ, тыгъэун, тыгъэбай, тыгъэпсо!» («Великая Мерэм, мать великого Бога, пошли процветание нашему дому, дай нам богатства и здоровья!») Пестро украшенное дерево называлось «Сосырышь» (или Сосырыс? Сосырыжь?). Когда я спросил о смысле этого обычая, то Карбек ответил, что Сосырэш — имя мужчины, совершившего много чудес, — например, он мог ходить по воде; но когда этот Сосырэш возгордился своими чудесными способностями, то Бог его наказал, отняв у него ногу; украшенное дерево — это и есть память о том самом наказанном чудодее Сосырэше¹⁰.

Примечание издателя: Ср. описание этого праздника, данное Taibout de Maigny, посетившим в 1817 году адыгейское побережье, помещенное в книге графа Яна Потоцкого (Jan Potocki) «Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase» (Paris, 1829. Т. II. С. 309), изданной Клапротом (Klaproth): «Séossé-rès, сеозерес был великий путешественник, коему подчинялись ветры и воды. Он особенно почитаем теми, кто живет у берега моря) — это молодое грушевое деревце, которое черкесы срубаяют в лесу и которое, очистив от веток так, чтобы оставался только кол, несут домой и поклоняются ему как божеству. Оно есть почти у всех: по осени, в день его праздника, его, следуя торжественной церемонии, заносят внутрь дома, под звуки различных инструментов и под радостные крики всего поселения, приветствующего его счастливое появление. Оно усыяно маленькими свечками, а на верхушке его привязан круг сыра; собравшись вокруг

него, люди пьют бузу, едят, поют, после чего его выставляют вон и возвращают во двор, где оно и проводит оставшуюся часть года, прислоненное к стене, безо всякого божественного знака. Сеозерес является покровителем стад; у него есть еще два брата».

Публичные богослужения адыгейцев-язычников проводились — согласно данным Карбека — всегда под открытым небом, в особо священных местах, у священного дерева, причем каждая семья приносила с собой стол (Ианэ) с жертвенными кушаньями, а деревенский священник забивал жертвенных животных (подобное встречается у языческих вотяков, черемисов и чувашей). Священные места, так называемые «джор», отмечались посредством деревянных палок с поперечной доской в форме Т (ср. груз. зварі, сван. звär — «крест», осет. дзуар — «крест», «святыня»). Такие джор встречались в домах, на дорогах, у колодцев и т.п. и почитались адыгейцами-язычниками.

Карбек назвал мне имена адыгейских языческих богов, в большинстве случаев совпадающие с упоминаемыми Л. Люлье. Сегодня я помню только еще бога леса и пчеловодства Мэзытхь, которому поклонялись как охотники, так и пчеловоды, бога-кузнеца Лъэпшь, который был не только покровителем кузнецов и хранителем договоров и клятв (как и другие кавказские боги-кузнецы), но и оказывал помощь при родах. Поэтому многие женщины, особенно первородящие, боявшиеся родов, устраивали свои роды в кузнице, причем новорожденный посвящался богу-кузнецу, а в дальнейшем — богине Пщыщан¹¹ (или Пшьышь-ан?), покровительнице коз и овец, богу Тыгъуплъэку, который, как явствует из его имени (тыгъу — «вор», плъэ — «смотреть», къо — суффикс *nomina agentis*), был, вероятно, покровителем воров и разбойников (ср. со сходными «воровскими» богами) в мифологии других кавказских народов). От других стариков

¹⁰ Если бы это имя собственное оканчивалось на -жь (в чем я теперь не уверен), то это означало бы «старый Сосыр» и могло бы быть соотнесено с именем нарта Сосырыкъо. Если бы можно было связать этого нарта с ритуалом летнего солнцестояния, то это могло бы опереться на предположения, высказанные Дюмезилем (*Légendes sur les Nartes*. P. 190).

¹¹ Имя этой богини я считаю иранским, ср. мои «*Remarques sur quelques mots iraniens empruntés par les langues du Caucase Septentrional*» // *Mémoires de la Société de Linguistique*. Paris, 1921. № 22. P. 248.

я слышал еще имя бога Хьаклуцутхь, вероятно, бога — покровителя хакучинов. Мне также рассказывали легенду о священном месте под названием къаныкъо, содержание которой я, к сожалению, забыл: припомню только, что эта святыня названа по имени героя, которого на этом месте поразила молния. Я также забыл описание языческих погребальных обрядов, при которых (если мне не изменяет память) определенную роль играла обернутая покрывалом лошадь умершего.

В мое время исламу еще не удалось вытеснить старые адыгейские имена собственные магометанскими и выкорчевать суеверия, связанные с получением имени. Магометанские имена собственные были распространены не так широко, как исконные адыгейские. Наряду с лестными и обозначающими пожелание счастья именами бытовали и такие, как Гъучыпс — «железная душа», Чылэзахь — «тот, кто несет аул на себе (— на своих плечах)», Къалэубыт — «завоуей крепость!», Пшъымаф — «счастливый князь», Шъаумаф — «счастливый парень», а также и такие «безобразные» имена, как Шъаупаш (хакуч. Шъаупач) — «безглазый (— одноглазый) парень», Шъаусай — «уродливый парень», ШъаушлуцI (или ШъаушлушI) — «черный парень», Лыхъудыкь — «горький герой», Нэхъурей — «круглый глаз (пучеглазый)», Хьафьжь — «белый пес», Хьагъо — «коричневый пес», ХьашлуцI — «черный пес», Хьатат — «толстый пес», или такие женские имена, как Хабзыфьжь — «белая собака», ХьабзышлуцI — «черная собака», Хьабзыгуашъ — «княгиня среди собак» и т.д. Рассказывали, что такие «уродливые» имена даются новорожденному, чтобы уберечь его от злых духов. С языческим обрядом рожать детей в кунице связаны, вероятно, такие имена, как: Лъэпшгъкъан — «воспитанник (аталык) бога кузнецов», Лъэпшгъкъо — «сын

бога кузнецов», Кышгъкъо — «сын кузнеца», Кышгъхан (женское имя) — «госпожа кузнецов» и т.д. В мое время такие имена еще давали детям, хотя бога кузнецов уже не почитали.

III. АДЫГЕЙСКИЕ ПЕСНИ

Адыгейская народная поэзия достаточно богата и многообразна. Хотя я записал в основном прозаические тексты и относительно мало песен¹², однако я мог установить наличие многих содержательных и формальных категорий песен. Я перечисляю здесь только те категории песен, которые были представлены в моих записях. Это были:

А) Орэдыжь (букв.: «старая песня») — воинственные хоровые песнопения, которые, как мне рассказывали, сочиняли, возвращаясь из похода, причем основной текст пели многие певцы соло, сменяя друг друга, а остальные всадники повторяли определенный рефрен. Такие песни состояли из довольно свободно соотносящихся восклицаний и намеков на различные моменты битвы, в которой певцы только что приняли участие. Большинство записанных мною орэдыжь относятся к войне с русскими, однако некоторые из них, вероятно, возникли гораздо раньше, так как в них рассказывается о боях между различными адыгейскими родами / племенами и не упоминается огнестрельное оружие, а лишь стрелы, луки и мечи.

Б) Пшъыналъэ исполнялись соло, изначально в сопровождении пшъынэ (адыгского струнного инструмента с двумя струнами из конского волоса). По содержанию они примыкают к прозаическому рассказу, предполагается, давно уже известному, но иногда исполнитель пшъыналъэ может и не знать его. Так я записал от моего учителя Калобата Богусова (Къалэубыт Богус) пшъыналъэ, где прославлялся нарт Шэбатыныкъо¹³, однако соответствующее

¹² Я старался делать это основательно, хотя, с одной стороны, у меня не было граммофона и, с другой стороны, я не владел языком в достаточной мере, чтобы записывать одновременно с пением.

¹³ От этой песни, воспевающей силу, храбрость и скромность героя, в моей памяти запечатлелся только один стих: «шатер ногайца служит стойлом для твоего коня» (ногъуае отэур-ушэшь). Герой сравнивается с чакъибл (шакъибл) — вероятно, это слово означает «дракон». (Калобат, живший ранее в Петербурге и охотно употреблявший иностранные слова, объяснял это слово как «вид крокодила».)

сказание [об этом герое] было ему совершенно неизвестно¹⁴.

В) Другая категория песен (которая, как помнится, определяется ни как орэдыжь, ни как пшыналъэ) была представлена в моем собрании одной единственной песней, записанной от того же Калобата Богусова. Это была бранная / оскорбительная песня или порицающая / осуждающая песня, направленная против человека, который во время разразившейся в стране эпидемии осквернял останки умерших¹⁵.

Г) Отдельную, своеобразную категорию образовали так называемые чЭпшэклоорэд — хоровые песни грубовато-юмористического содержания, которые пелись у постели раненого, страдающего бессонницей, чтобы развлечь его (!).

Единственная песня, содержание и структура которой еще сохранилась в моей памяти, следующая:

Песня Боруко (Борыкъо ипшыналъэ)

Вечером, когда уже стемнело, меня кто-то, находящийся на улице, позвал по имени и дал мне срок (пАлъэ)¹⁶. Моя первая (старшая) жена, у которой я спросил совета, сказала мне: «Все знают, что ты всегда был героем. Оставайся спокойно (дома), на своей шелковой постели». Моя молодая жена, у которой я спросил совета, сказала мне: «Если ты герой, то не можешь оставить без внимания вызов на поединок». Я оседлал своего коня, взял оружие и отправился в путь. В предсветном сумраке, когда взошла утренняя звезда, я увидел приближающихся всадников, у последнего всадника кто-то сидел за спиной. Я взял стрелу и натянул лук, нацелился и еще раз прицелился. Стрела попала во всадника слева, он (всадник) свалился в правую сторону,

я поспешил к нему, я посмотрел на его лицо... О несчастный, проклятый богом Борыкъо. Он убил своего единственного сына...¹⁷ Советами жены из старого дома (унэжьи шъузы) никогда нельзя пренебрегать, даже если она (жена) уродлива и стара. Словам жены из нового дома (унакIэ шъузы) доверять не следует, даже если у нее красивые брови и грациозная походка.

Примечание: Это пшыналъэ, что я записал от старого хакучинца по имени Шъаупак (Шъаупашэ) из аула Къальжь, примыкает к прозаическому рассказу, широко известному в мое время у адыгейцев побережья и который был рассказан мне почти в том же виде, как его недавно опубликовал G. Dumézil (La Lanque des Oubyhs. Paris, 1931. P. 161–167).

IV. СКАЗАНИЯ О НАРТАХ

Намного лучше, чем песни, сохранились в моей памяти прозаические рассказы, записанные мною. Среди них сказания о нартах (нарты — къабар) образуют особую категорию. В мое время в каждом ауле еще было, хотя и очень немного, стариков, которые могли рассказать эти сказания. При этом их было не так легко уговорить, потому что исполнение нартских сказаний считалось не особенно благочестивым поступком. Мне удалось записать сказания о нартах только от уже упоминавшегося Карбека Хута из аула Красноалександровский и от старого шапсуга Шяупуха (Шъаупыху) из аула Псеушко, а именно от первого — сказание о Сосруко и Шаофыже (Шъауфыжь) и о походе для завоевания Гъудэгъудкъалэ и о рождении Сосруко, от второго — сказание о Сосруко и великане и об убийстве Сосруко, а также о мести Хамышыко Петереза. Из этих нартских сказаний в моей памяти сегодня

¹⁴ Это, должно быть, то самое сказание о нартах, которое опубликовал Л. Г. Лопатинский (СМОМПК XII, отд. II. С. 21) под названием «Пшъыбадынокъо», и Паго Тамбиев (СМОМПК XXI. С. 258 сл.) под названием «Ешгэ-Батыныкъо». Оба названия, как мне представляется, основываются на неправильном понимании: П. Тамбиев наверняка записал неправильно, ибо в кяхском *e* не может стоять в начале слова. Правильная форма этого имени нарта — адыгейское Шъэба-тыныкъо (в каковой форме это записано А. Н. Дьячковым-Тарасовым в «Записках Кавк. Отдела Имп. Рус. Геогр. Общ.» XXII, 28). У старых адыгейцев Шъэба-тын было весьма распространенным именем мальчика, рожденного в субботу.

¹⁵ Эта песня, вероятно, возникла еще до поголовного обращения адыгов в ислам. Она началась с описания всеобщего траура по поводу эпидемии: «мусульмане сидят с Кораном в руках и молятся аллаху, язычники стоят у джор и молятся тыгъульгэку».

¹⁶ Имеется в виду назначение места и времени встречи для поединка.

¹⁷ Далее следовали еще причитания и жалобы.

хорошо сохранились лишь три, которые я привожу ниже¹⁸.

Сосруко и Шъауфыжь

Нарт Шъауфыжь пришел к нартам. Так как, кроме Сетеней, никого дома не было (нартхэр Сэтэнай нах дэмьсу), он спросил Сетеней: «Где нарты?» Сетеней не сказала ему, где находятся нарты (Сэтэнай нартхэр здэштыІэхэр кьысиІуэтыгыэп), однако пригласила его войти: «Входи же, я заколю для тебя коричневого быка с красными рогами, принесу тебе красного вина, свою уже замужнюю¹⁹ старшую дочь положу я тебе в постель (еблагъ, цугъобжэпоплъ фысыукІын, сэпэрлгыкІадэ фэсхьыно спхъужьи — тышасэ ивгъадызгъальэн)». Но Шъауфыжь ответил: «Пусть волк сожрет твоего коричневого быка с красными рогами! Твой чан красного вина волью в дыру на земле! А твоя только что вышедшая замуж дочь да превратится в ведьму! Я не обжора, не пьяница и не забавляюсь по пустякам! (уицугъобжэпоплъ тыгъужьым эшх! УисэпэрлгыкІадэ ычІэкъэк! Упхъужьи — тышасэ салебастъ тхъам эш! Сэ сешхаКІо — эшъуакІоп, джегоКІо шаоп!)». Сказав так, воткнул он с силой свой железный посох в землю и удалился.

Когда нарты вернулись домой, то увидели в земле железный посох и узнали от Сетеней о случае с Шъауфыжь. Сосруко сказал: «Тому, кто выдернет из земли железный посох, не раскачивая его, я что-то дам (зыгорэ естын)». Все нарты напрасно старались вытащить посох. Тогда подошел сам Сосруко, помочился вокруг посоха так, что земля стала мокрой и рыхлой, тогда он без всякого труда вытащил посох (этим он хотел показать, что хитростью можно достигнуть больше, чем грубой силой).

Сосруко оседлал своего волшебного коня по имени Тхъожьые и поехал искать

Шъауфыжь. Вскоре он увидел, что тот скачет по степи. Сосруко подъехал к нему. Внезапно Шъауфыжь обернулся и с громким криком бросился на Сосруко. Тот обратился в бегство. Его Тхъожьые скакал очень быстро, но конь противника бежал еще быстрее. Шъауфыжь догнал Сосруко и так сильно ударил его своим копьём, что Сосруко упал на землю. Шъауфыжь выхватил саблю и хотел отрубить противнику голову. Сосруко сказал: «Если хочешь со мной сразиться, дай мне срок и приходи сюда снова». Шъауфыжь согласился, и Сосруко поехал домой.

Когда Сосруко рассказал об этом происшествии своей матери (Сетеней), то Сетеней разгневалась и начала ругать Тхъожьые: «Ты собакасы! Я убью тебя стальными ножицами! Из-за тебя герой терпит поношение!» Но Тхъожьые ответил: «Оставь меня три (?) дня голодать в деревянных яслях, повесь на меня бубенчики и пестрые лоскутки, и если я не принесу голову Шъауфыжь на моем хвосте тебе в дом, тогда отдай мое мясо собакам на съедение!» Сетеней последовала этому совету.

В условленный день Сосруко поехал на своем увешанном бубенчиками и пестрыми лоскутами Тхъожьые на условленное место. Там он остановился и окутался туманом. Через некоторое время подъехал Шъауфыжь и увидел среди степи густой туман. Он обратился к туману и сказал: «Если ты стоишь на благо, то оставайся. Иначе — рассейся! (щъу — фытэто, утетымэ-те, амырымэ — текІыжь!)». Тогда Сосруко громко закричал и выскочил на своем коне из тумана, причем пестрые лоскутки развевались и бубенчики громко звенели. Так как конь Шъауфыжь был воспитан в сумасшедшем доме (Шъауфыжьи иш алэгъунэм шынгъэсагыэ-ти), то он не

¹⁸ Из сказания о рождении Сосруко мне запомнились лишь следующие детали. Сетеней замечает на другом берегу реки спящего пастуха коров, изо рта которого вырывается пламя. Она задирает юбку и обнажается. (Спящий?) пастух коров извергает свое семя. Сетеней собирает его семя в платок, который подвязывает под юбку, и из этого семени затем рождается Сосруко. Итак, вариант напоминает тот, о котором сообщает G. Dumézil (La Lanque des Oubyhks. P. 141). От сказания о походе против Гъудэгъудкъалэ у меня остались лишь неопределенные воспоминания. Определенную роль там играют «волшебные предметы», среди которых шэаньжь (дословно «старая кожаная скатерть»), соответствующая «столик — накройся» («скатерти-самобранке») из немецких сказок. Если не ошибаюсь, там было и соответствие «семимильным сапогам».

¹⁹ Дословно: «сидящую еще в тышэ (тышасэ)». У адыгов жених обычно крадет невесту и прячет в доме друга. Первое время после свадьбы новобрачные не должны показываться своим родителям, и поэтому новобрачная еще некоторое время живет в доме, куда ее привез жених. Это пристанище называется тышэ.

мог вынести такое. Он испугался и отпрянул. Шъауфыжь не смог сдержать его. Он так сильно натянул узду, что оторвал нижнюю челюсть у коня и вместе с ним рухнул на землю. Сосруко спрыгнул <с коня> и вынул саблю. «Когда ты просил меня о сроке, я тебе его назначил», — сказал Шъауфыжь. «Если это зависит от меня, то я никому не даю срока», — сказал Сосруко, отрубил своему противнику голову, привязал эту голову к хвосту Тхъожьые и поскакал домой. Прискакав домой, Тхъожьые крикнул Сетеней: «Не говорил ли я тебе, что если я не привезу голову Шъауфыжь на своем хвосте тебе в дом, то ты можешь отдать мое мясо собакам на съедение! Ну что, разве я не привез голову?»

Примечание: В этом сказании соединены два известных сказания о нартах. Начало (отклоненное приглашение) принадлежит специально адыгейскому сказанию Шебатыныкъо (ср.: G. Dumézil. *Legendes sur les Nartes*, № 23), остальное — сказание о бое Сосруко с Тотрадзом, Тотрешем и т.д. (ср.: G. Dumézil, *op. cit.*, № 24 и “La Lanque des Oubyhks”. P. 167 и др.). Имя нарта, которого Сосруко одолел хитростью, — Шъауфыжь («белый парень»), вероятно, идентично встречающемуся в убыхском тексте у Ж. Дюмезиля Шофу.

Сказание о Сосруко (Сосэрыкъо икъабар)

Самым сильным среди нартов был Сосруко, который, кроме того, был волшебником/колдуном и мог наколдовать как холод, так и жару. Однажды сделал он сильный холод. Нарты, у которых не было огня, попросили Сосруко достать огонь. Сосруко отправился на поиски огня. Вскоре он набрел на великана, который лежал у большого костра и спал. Сосруко выгасил из костра горевшую головню (пхъэцакIэ) и уже хотел уйти. Но потом он подумал: «Зачем мне уходить тихо, как будто бы я боюсь этого великана (мы иныжи сшъэштэ Iноно сабрэу ськIонэп, букв.: “я не хочу тихо уйти, чтобы ты не сказал, что я боюсь этого великана”)), — и он произвел шум руками и ногами (Iэмакъ-лътэакъу ыгъэIугъ).

Великан проснулся и крикнул Сосруко: «Остановись! (къауцу!)» — «А что ты мне скажешь, если я остановлюсь? (сыкъауцумэ сьд къэсапIошьт?),» — спросил Сосруко. «Я спрошу тебя об играх нартов, а также об обычаях (уэсоупIышьт нартымэ якъэ яунэшъэ къабарэ)), — ответил великан. «Если ты спросишь, то я скажу (къысаупIымэ оIон), — сказал Сосруко. — Нарты раскаляют лемех, кладут его и проглатывают, — такая у них игра (чабзэ-шабзэ агъэплъи ажэ дыралъхай адырэ — арары якъэкъукIэ)). Великан взял лемех, подержал его в огне, пока он не раскалился, и проглотил его. Его внутренности загорелись, и он почувствовал, что приходит ему конец. Он сказал Сосруко: «Ты погубил меня хитростью. Когда я на тебя смотрел, то думал: уж не тот ли это кривоногий Сосруко, по прозвищу “Хитрый” / “Хитроумный” (уэ къызэскъ-лъерлэм сепокъуегъагъи^p лъэкъэпашэ-ти. пай Сэусэрыкъо “шхъуаше” зэрыIорэр). Теперь я умираю. Когда я умру, выгаси мои спинные сухожилия и сделай себе из них пояс (силъайкъи с^mтхынэф къыхэхыи вгырырху)). Потом великан умер. Сосруко выгасил его спинные сухожилия, намотал их на дерево, и оно упало, перерезанное в том месте, где соприкоснулось с сухожилиями (чыгым къыздэчешэⁿ кIыым чыгы зэрыиурчIыгъ).

Сосруко взял огонь и возвратился к нартам. Он развел большой огонь, велел, чтобы каждый нарт обогрел лишь одну часть тела (унашгъо афиштыгъ пкъыпэзэрызы нахъ чатэгъоунэу). Сам же он встал над костром, растопырив ноги и руки, и согревал все тело (ежьырэ хъабэкъахъуу машIом тауцуи зигъафэвагъ).

Нарты были возмущены высокомерием Сосруко и решили убить его. Они узнали, что тело Сосруко неуязвимо до бедер, состоящих, как у всякого нормального человека, из мяса и костей²⁰. Однажды в праздник нарты играли на Эльбрусе (Харамуасхъа). Они катали «острое колесо» (шийан-кушарх) с Эльбруса, и Сосруко, который стоял у подножья горы, должен был одним ударом снова вкатить колесо

²⁰ Когда я спросил, откуда нарты узнали об уязвимости бедер Сосруко, то кто-то (может быть, старый Шяупух, от которого я записал это сказание?) сообщил мне, что эту тайну, вероятно, выдал нартам черт. Черт превратился в лежащий на дороге кошелек с деньгами; Сосруко поднял его и сунул в карман, а черт обыскал все тело Сосруко, пока, наконец, не открыл уязвимости его бедер.

[на Эльбрус]. И всякий раз это ему удавалось. Нарты кричали ему: «бей рукой» или «бей головой» и т.д. — и он делал это всякий раз с одинаковым успехом. Потом нарты закричали: «ударь бедром». Сосруко принял катящееся колесо на бедра, «острое колесо» разрезало ему оба бедра, и он упал на землю, обливаясь кровью. Сосруко закричал: «Эй вы, звери и птицы! Идите сюда, пейте кровь, ешьте костный мозг героя!» Звери и птицы приблизились, но не дотронулись до него. Только ворон пил его кровь и ел мозг из его костей. За это проклял Сосруко ворона...²¹, и стал с тех пор ворон черным, и питается он гнилыми трупам, и его все презирают.

Нарты положили Сосруко в металлический (медный?) гроб и забили этот гроб железными гвоздями. Одного гвоздя не хватило, и они заменили его петушиной шпорой. Потом они отнесли гроб на высокую гору и оставили там. Сосруко лежит там и до сего дня. Каждый день он начинает выдавливать из своего гроба по одному гвоздю, чтобы открыть крышку, так он работает день и ночь. Но как только он доходит до петушиной шпоры, то петухи во всем мире начинают петь, и все железные гвозди снова сами по себе входят в свои дыры. Крышка гроба снова оказывается накрепко забитой, и Сосруко должен снова начинать свою работу. Он никогда не откроет своего гроба.

Примечание: Начало этого сказания соответствует известному мотиву о Сосруко и великане (G. Dumézil. *Légendes sur les Nartes*, № 21), причем основной момент — ныряние великана и замораживание моря, утрачен, но содержится в другом адыгейском варианте этого сказания (А. Н. Дьячков-Тарасов, цит. выше. С. 34 сл.). Эпизод

со «спинными связками» великана попал у кабардинцев в цикл «Братья (Ешаноковы)», причем человек, чьи спинные связки (кабард. тхыныфы = адыгейск. тхынэф)²² обладают чудесной силой, зовется КъуйцЫкЛукъо («сын маленького лысого»). Это имя, вероятно, идентично осетинскому имени Кусаги-фырт (Елтаган), которое носит великан в осетинском варианте нашего сказания (ср.: В. Ф. Миллер. *Осетинские этюды*. Ч. I. С. 30 сл.). Смерть Сосруко, точнее, его ранение волшебным колесом — вариант известного сказания (G. Dumézil. *Légendes sur les Nartes*, № 29), к которому примыкает типично кавказский «миф о Прометее».

Хамышыко Петрез и гибель Нартов

«...²³ Если это мальчик, то положите его в чемодан (?) и бросьте его в море»... Родился мальчик по имени Петрез (Пэтэрезы). Его бросили в море в чемодане (?). Он разбил чемодан (?). Его пищей была морская пена, его питьем — морская вода. Когда он вышел из моря, то нашел на берегу оседланного коня и оружие. Он вооружился и сел на коня. Узнали об этом нарты и сказали: «Увы нам! Петрез, сын Хамыша, вышел из моря! (Хъамышыкъо Пэтырез хым къыхэкЪыгы!»).

Петрез поехал к нартам и начал убивать их своим мечом и топтать своим конем. Так он убил многих из них. Возмолвились нарты: «Требуй от нас цену крови (лъуасэ²⁴)». «Ладно! — ответил Петрез. — Сожгите шелк и принесите пепел от него в своих колчанах на Эльбрус, пока не насыпете там кучу в человеческий рост. Это и будет цена крови». Нарты сожгли шелк и попытались внести пепел на Эльбрус в своих колчанах. Но ветер развеял

²¹ За этим следовало пространное проклятие, которое Сосруко посылает ворону и которое я совершенно забыл. Если я не ошибаюсь, в этой формуле проклятия речь шла о том, что ворон будет убит своим птенцом.

²² Л. Г. Лопатинский, сообщаящий это сказание в русском переводе (СМОМПК, XII, отд. I. С. 32) неправильно понял это слово и перевел его как «прямая кишка». То, что речь здесь идет именно о слове «тхыныху», доказывает приводимый Л. Г. Лопатинским стих (там же. С. 33): «уйт-хыныхур зэшэхэлым хыгъу» («где лежат твои спинные связки, они должны высохнуть»).

²³ Старый Шяупух не хотел рассказывать начало этого сказания, потому что считал его непристойным. Я могу лишь сообщить, что Петрез был рожден неким неестественным способом из тела своего отца (Хъамыш), причем сам Хамыш умер. Предложение, которым начинается рассказ, вероятно, принадлежит умирающему Хамышу.

²⁴ «Цена крови» (лъуасэ) — так называются денежные взносы, ценные предметы или работа, которые устанавливаются по соглашению между сторонами в качестве отпущения за кровь. То обстоятельство, что нарты рассматривают как должные платить цену крови, показывает, что Хамыш нашел свою смерть не без их участия.

легкий пепел. Когда нарты напрасно извели весь свой запас шелка, то Петрез напал снова и снова убил многих из них. Нарты просили его назначить другую цену крови. Петрез сказал: «Постройте из двух... кустов²⁵ (кустарников) ворота, через которые я смогу проехать, не нагибаясь. Это и будет цена крови». Напрасно искали нарты ... кустарник подходящей величины, и так как они не смогли справиться с поставленной задачей к установленному сроку, то Петрез напал на них и снова убил многих из них...²⁶ После того как Петрез долго неистовствовал и убил много нартов, он удалился²⁷.

Оставшиеся в живых нарты собрались в одном доме и устроили праздничное пиршество от радости, что Петрез оставил их в живых. Петрез узнал об этом. Он приготовил много острых копий из твердого дерева и положил их у двери дома, где собрались нарты. Затем он послал к ним мальчика с вопросом: «Что было сделано раньше: молот, щипцы или наковальня?» Нарты сразу же начали спорить: одни были за приоритет молота, другие — за наковальню, третьи — за щипцы. И так как они уже выпили много вина и меда (шъон), то спор очень быстро перешел в рукопашную. Нарты поспешили к двери, увидели лежащие там острые деревянные копы и начали колоть ими друг друга, пока все они не полегли смертельно раненные или мертвые. Так Хамышко Петрез уничтожил нартов.

Примечание: Сказание о мести Батраза — Петреза — Патрижа (G. Dumézil. *Légendes sur les Nartes*, № 18²⁸) имеет несколько необычный конец. Куча деревянных копий, которые Петрез бросает к двери дома нартов, напоминает деревянные поленья, которые в другом сказании о Батразе были сложены в одном месте, о чем

говорит также и G. Dumézil (*Légendes sur les Nartes*. P. 185 sq.). Относительно имени Пэтэрезы (ср. уже упоминавшуюся мою статью в MSL. 22. P. 250 сл.).

Сказания о происхождении

Сказания о происхождении образуют особую категорию адыгейских прозаических рассказов, не отмеченных, однако, какими-либо особыми стилистическими особенностями. Зафиксировано только содержание этих сказаний, но не форма. Адыгейцы рассматривают их не как вымысел, а как сообщения о реальных исторических событиях. Оба сказания о происхождении, которые я здесь привожу, записаны от Калобата Богусова, которые он недавно слышал от Карбека Хута.

Карлики (Спыхэр)

Еще задолго до того, как адыгейцы пришли на то место, где они живут теперь, в этих местах жили карлики (спы, мн. ч. спыхэр), причем великаны были слугами, а зайцы — их ездовыми животными (иньжъхэр яшшыпэу, тхъаклумекахъхэр яшыу). Карлики были высокомерны (пагэу хъугъэх) и решили убить бога. Взяли они свои луки и стрелы и начали стрелять в середину неба, потому что думали, что бог находится там. Бог послал одного ангела узнать, чего, собственно говоря, хотят карлики. Ангел спросил: «Что вы делаете, карлики?» — «Разве ты не видишь? (плъагъурыба?)» — ответили карлики. — Мы хотим убить бога (тхъар тыукъын)». — «Но так у вас ничего не выйдет, — сказал ангел. — Когда все вы целитесь в одну точку в небе, то бог перебегает в другое место на небе и ваши стрелы его не достигают. Если вы действительно хотите убить бога, то соберитесь все в одном месте и одновременно выстрелите в небо во всех направлениях».

²⁵ В тексте называется растение, название которого я забыл: во всяком случае, это должен быть мелкий кустарник.

²⁶ Я не могу припомнить, назначал Петрез цену крови дважды или трижды. Возможно, что он и в третий раз потребовал что-либо невыполнимое (принести воду в решете?).

²⁷ Удалился ли Петрез потому, что просто устал от своего неистовства, или уже по другой причине — сегодня я этого сказать уже не могу. У меня осталось смутное воспоминание о мольбе нартов, которые говорят Петрезу: «Дай нам пожить еще только один день!» Но относится ли эта строка сюда или же связана с просьбой о назначении цены крови — восстановить не могу.

²⁸ Собрание вариантов Ж. Дюмезиля должно быть дополнено ингушскими сказаниями о Хамчи Патриже, опубликованными Б.К. Далгатом: *Далгат Б.К.* Страничка из северо-кавказского богатырского эпоса. Ингушко-чеченские сказания о нартах, великанах, людоедах и героях, записанные со слов стариков-ингушей в 1892 году // Этнографическое обозрение. 1901. Кн. XLVIII. № 1. С. 35–85.

Ангел удалился, и карлики последовали его совету. Когда они собрались в одном месте и начали стрелять в небо во всех направлениях, то бог сбросил на них большой, тяжелый, как черное облако, камень. Карлики увидели, что с неба падает что-то большое, и радостно закричали: «Смотри, смотри! Мы убили бога! Он уже падает!» В этот момент тяжелый камень упал на них и раздавил. Так погибли все карлики. А в это время их ездовые животные, зайцы, паслись со спутанными передними ногами. Такими они и остались на вечные времена.

Примечание: Часто встречающиеся на берегу Черного моря дольмены адыгейцы считали бывшими жилищами карликов (спы) и поэтому называли их «спунэ» («спыунэ») («дом карлика») ²⁹. Эти дольмены обычно состоят из четырех вертикально поставленных каменных плит, образующих четырехугольник, покрытых пятой плитой. В одной из вертикальных каменных плит находится отверстие, обычно закрытое камнем. Отверстие обычно совсем маленькое (самое большее 30 см), а весь дольмен не достигает в высоту нормального человеческого роста. В то же время каменные плиты, из которых он состоит, такие большие и тяжелые, что обыкновенный человек не мог бы сдвинуть их с места. К тому же такие дольмены часто располагаются на вершине холма, причем поблизости не наблюдается ни осколков камня, ни подобных скал. Все это дало адыгейцам повод верить, что эти дольмены построены великанами, которые служили рабами умным карликам. Этимология слова «спы» (карлик) неизвестна; во всяком случае, сообщение барона П. К. Услара, что слово «карлик» означает «осколки, щепки» (Этногр. Кавк. Приложение II. С. 102), совершенно неправильно ³⁰.

²⁹ Об этом сообщает барон П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис, 1884. Приложение II. С. 102, однако он ошибочно считает слово «спыунэ» (причем в искаженной звуковой форме: sipuni) обозначением карлика. Вообще же он оговаривает, что это слово он приводит по памяти и «быть может неверно».

³⁰ Так как сочетание звуков **сп* в истинно-адыгейских корнях не встречается, то все же не исключено, что в слове «спы» присутствует древнее заимствованное слово или название какого-то чужого народа. Так как предки адыгов в очень древние времена соприкасались с северо-иранскими («скифо-сарматскими») племенами, то иранское происхождение имени *спы* не представляется невероятным: приходят на ум, например, иранские личные и народные имена, связанные с *aspa* «лошадь» или с древне-ир. **sraina* (авест. *sraeno*) «белый, светящийся» и т.п.

³¹ В тексте было: «уофехэр кьыщъэзыкъэ алухьхо-стыгъ» — «они имели обыкновение дела заканчивать посредством совершения того же». Калобат Богусов дал этому предложению приведенное выше толкование.

Ашинег и происхождение адыгейцев

Адыгейцы (адыги) происходят из Аравии. В старые времена у арабов был обычай — за каждую рану платить такой же раной ³¹. Однажды мальчик, играя, выколол стрелой глаз другому мальчику. Его родители знали, что по старому обычаю у их сына тоже должны выколоть глаз (ячIале ыне раутэжыныр якъупшьысы), и решили, чтобы этого не случилось, убежать со своим ребенком. К ним присоединились еще шесть семей, находившихся в таком же положении. Эти семь семейств с женами и детьми, со всем имуществом поднялись ночью на корабль и тайно покинули свою родину. После долгого плавания по морю они пристали к Кавказу и высадились на берег у Богъурэ (sic!). Здесь они прожили некоторое время. Так как они боялись, что земляки, от которых они бежали, будут их преследовать, то они выбрали главного по имени Ашинег, который был очень умен.

Кроме хижин, в которых жили беглецы, Ашинег приказал построить еще много других хижин, а также слепить из глины фигуры скота и лошадей и поставить их. И когда пришло из Аравии небольшое войско, посланное вслед за беглецами, то, увидев уже издали многочисленные хижины и большие стада, оно решило, что беглецов слишком много. Поэтому они не решились пристать к берегу и возвратились назад, в Аравию.

Ашинег и его спутники собрались и пошли в горы. В пути дочь Ашинега заболела. Она сказала: «Теперь я должна умереть. Похороните меня там, где земля, которую вы вынете из моей могилы и которой засыпете мой гроб, ляжет ровно, не образуя возвышения». Потом она умерла. Ее положили в гроб и возили его с собой. Странствуя в горах, они пытались на каждой остановке похоронить гроб

и вынутую из могилы землю уложить на него без остатка. И если при этом образовывался холм, то Ашинег приказывал снова выкопать гроб и везти его дальше. Наконец, им удалось похоронить гроб без могильного холма, причем выкопанная земля ушла без остатка. Здесь и лежит умершая девушка, а место это и сегодня называется «могила девушки» (пшгъашгэм ичІалгъа).

Между тем беглецы шли дальше и дальше, пока не достигли места, которое их предводитель, Ашинег, посчитал очень хорошим для поселения. Это была долина, попасть в которую можно было лишь через узкое, труднопроходимое ущелье (мыкІо зэжъу горэ). В этой долине и поселились беглецы. По краям долины рос густой лес. Ашинег приказал подпилить деревья, а чтобы они не упали, связать их вьющимися растениями (бжълэгъэ зыхапахгэх). Концы вьющихся растений были сведены в одно место и связаны. Достаточно было перерезать на этом месте веревку, связывающую концы вьющихся растений, чтобы все деревья рухнули в ущелье. На этом месте у беглецов была постоянно сменяемая стража (къзигъе икъэреулыхо), потому что Ашинег опасался, что арабы могут еще раз послать войско, чтобы наказать беглецов. Так и случилось. Однажды страж увидел большое войско, собиравшееся войти в ущелье. Когда все войско уже было в ущелье, то стражи в большом возбуждении перерезали веревку (къузажъокъэ Іапсэр эпиІупчІыгъ), и деревья рухнули в ущелье. Таким образом все вражеское войско было уничтожено, кроме одного-единственного человека (зы нобгы мытэкъе), и с тех пор больше никто не пытался преследовать беглецов³².

Люди были тогда еще язычниками. Каждую неделю они молились у большого священного дерева, причем Ашинег руководил молебствием, как главный священник. Каждая семья стояла у своего жертвенного стола. Сначала их всегда было там только семь (епаигъэ аниблэ нахъ къахъоу щытэгъэпгъауныжь). Однажды Ашинег заметил, что был поставлен восьмой стол. После окончания богослужения Ашинег осведомился об этом и узнал, что из

уничтоженного в ущелье вражеского войска спасся один-единственный воин, потому что, когда рухнули деревья, он уже миновал опасное место. Этот воин до сих пор прятался, а теперь пришел к священному дереву, чтобы помолиться со всеми. Ашинег принял его дружески, разрешил ему построить в селении дом и дал ему прозвище гъауныжь («Умножающий хозяйство»). Этот гъауныжь стал основателем абадзехского племени, получившего его имя.

Однажды, когда все собрались у священного дерева для молитвы, Ашинег долго не появлялся. Когда же он наконец пришел и провел богослужение, то люди спросили его о причине опоздания. И Ашинег рассказал: «Я заснул и видел чудесный сон. Мне снилось, что я иду мимо двух мужчин, которые стоят у лестницы и спорят, кто поднимется первый. Причем у первого обувь из красного сафьяна, а у другого — из черной буйволово́й кожи. Я пошел дальше и увидел большую беременную суку, сидящую на дороге. Я хотел сломать прут, чтобы прогнать суку, если она на меня нападет. Я протянул руку к кусту, но большие ветки отклонились назад, а маленькие и тонкие прутики сами лезли мне в руки. Я сорвал несколько прутьев и приблизился к собаке. Я хотел спугнуть ее, но она сидела молча и не двигалась, а еще нерожденные щенки в ее брюхе залаяли на меня. Я пошел дальше и увидел нечто похожее на облако дыма, которое выходило из земли, распространялось во все стороны и окутывало все вокруг, а затем снова уменьшилось и постепенно возвращалось в ту же дыру в земле, из которой вышло. Тут я проснулся и увидел, что уже очень поздно». Все начали думать, что означает этот чудесный сон. Тогда старая женщина сказала: «Я могу истолковать этот сон. В этой стране, где сегодня живет мало людей, будем мы, адыгейцы, когда-нибудь многочисленны (мы нэбкъы — мацІэ щисыхытгъе боутэхъушт) и со временем заполним эту страну; но затем мы вновь исчезнем из этой страны (текІодыкІыжьбынэу зэхъгъе, букв.: «когда мы вокруг снова исчезнем»), это произойдет тогда, когда дети перестанут почитать родителей (— что означают щенки, лающие в брюхе беременной суки), когда младшие

³² Кроме первой и последней неудавшейся попытки арабов преследования беглецов, сообщалось еще об одной (такой же неудачной) попытке. Но я не могу сегодня ничего вспомнить об обстоятельствах приготовления к этой попытке.

братья не будут больше уважать старших (— что означают пробирающиеся вперед маленькие ветки куста) и крепостные начнут спорить с благородными (— что означает спор между человеком в обуви из кожи буйвола и человеком в сафьяновой). Это пророчество также сбылось.

Через некоторое время Ашинег послал разведчиков поискать новые места для поселения. Разведчикам, видевшим побережье, оно понравилось, земля на берегу (хылушго), другим, побывавшим в степи, понравилась степь (губгьо). Таким образом, четыре семьи отправились на побережье, и от них произошли шапсуги (шапсыгь), а другие четыре семьи поселились в степи, и от них произошли абадзехи (абахэ).

Примечание: Сон Ашинега и его толкование напоминают «чудеса», рассказываемые в осетинских сказаниях о нартах, о путешествии Сосруко в царство мертвых (ср. G. Dumézil. *Les Légendes sur les Nartes*, № 28) и о путешествии Сослана к Сайнаг Алдару (там же, № 31). Из заключительного абзаца нашего сказания вытекает, что адыгейская традиция признает тесное родство между шапсугами и абадзехами. Примечательно также, что остальные адыгейские племена совсем не упоминаются. Карбек Хут, которого я спросил об этом обстоятельстве, сообщил, что только шапсуги и абадзехи являются «настоящими адыгейцами» и что остальные только позднее переняли адыгейский язык, причем одни научились у шапсугов, а другие — у абадзехов. Я записал также названия восьми племен, которые, согласно вышеприведенному сказанию, должны быть адыгейцами. У каждого было двойное имя. Сегодня я могу вспомнить лишь четыре шапсугских пламени. Это были: нэтхьо-нэтахьо («Серые глаза — Широкие лбы») (также нэтхьо-кьуадже — «Аул сероглазых» — откуда русское название «натухаджцы»), кьоблы-шгьхьапыгэ — «Семеро сыновей — Крепкие головы», гьогью-шгьао-тыхью — «Громовые ловкие (?) парни», и гьуае-емысэ. Это последнее имя не поддается истолкованию из адыгейского. Некоторые адыгейцы сообщают,

что гьуае-емысэ (среди которых много рыжих) — еврейского происхождения. Если принять эту гипотезу, то название этого рода можно объяснить из древнееврейского *qoye-emet* — «народ правды», «верный, честный / прямой / правдивый / порядочный / настоящий / сильный народ»³³. Названия абадзехских родов я, к сожалению, забыл: помню только ашынэгъ — шьгошгью гьаупыжь... и кьубэдзыбе (?).

V. СКАЗКИ

Самую любимую категорию адыгейской прозаической литературы составляют сказки (тхыдэжъ). Их можно подразделить на две группы согласно цели, которой они служат. Особую группу составляют бесконечно длинные сказки, рассказываемые много часов подряд или для развлечения дорожных спутников в скучной поездке, или для того, чтобы усыпить знатного гостя после щедрого угощения. Они состоят из свободно следующих друг за другом приключений, архитектурно равноправных, стилистически и содержательно довольно нейтральных, поэтому не существует ясно выраженного членения и единого плана. Я попытался записать одну-единственную такую сказку (на бжедухском диалекте) от муллы в ауле Красноалександровском: после четырех часов записи я почувствовал себя таким усталым, что прервал запись, причем мулла заявил мне, что он не надиктовал еще и половины сказки. Другую группу образуют более короткие сказки, значительно отличающиеся от вышеназванных «длинных сказок» своим четким членением, обозримостью их общего плана (их объем может быть при этом довольно различным — от нескольких минут до получаса). С точки зрения стилистики и содержания их (как и соответствующие сказки других народов) можно подразделить на две подгруппы — *назидательные* и *развлекательные*. Их содержание образуют обычно международные странствующие сказочные сюжеты. Профессиональных сказочников в мое время у адыгейцев не было. Конечно, были люди, знавшие очень много

³³ Возможность еврейского происхождения некоторых адыгейских родов, во всяком случае, не исключена, так как евреи смешивались с некоторыми северокавказскими племенами. Ср. A.v. Löwis of Menar в *Archiv für Religionswissenschaft* XIII. S. 520, так же как и упомянутую там предшествующую литературу.

сказок и считавшиеся особо хорошими рассказчиками. Но и совсем обыкновенный «средний адыгеец» знал по меньшей мере дюжину сказок и рассказывал их очень живо. Кроме сказки «Сова», которую я записал в ауле Лыгъотх от молодого адыгейца (имя которого я, к сожалению, забыл), остальные сказки были рассказаны мне Калобатом Богусовым, который вообще-то не считался особенно хорошим рассказчиком сказок.

Отцовские советы

В старые времена люди не давали своим родителям умирать естественной смертью. Каждого старика, достигшего определенного возраста, его близкие относили на определенную высокую скалу и сбрасывали оттуда. Однажды сын тащил своего старого отца на скалу, чтобы сбросить его вниз. Старик зацепился ногой за углубление в скале, так что сын должен был прервать свой путь, чтобы освободить его. Тут старик рассмеялся. «Почему ты смеешься?» — спросил его сын. «Когда я был в твоём возрасте и тащил своего отца, чтобы сбросить его со скалы, то он застрял на этом самом месте, — сказал старик. — А теперь я думаю, что так будет и с тобой, когда твой сын потащит тебя этой дорогой. Поэтому я и смеюсь». Эти слова произвели на сына глубокое впечатление. Некоторое время он раздумывал, а затем отвел отца обратно домой и спрятал его в погребе.

Вскоре умер хан этой страны. Было объявлено, что трон будет принадлежать тому человеку, кто наполнит человеческую кожу золотом доверху (цЫфышгьом изэу дышгэ зышчырыр), первым увидит утром свет солнца и научит собаку говорить. Сын, навещавший своего отца в погребе каждый день, рассказал старику об этом объявлении. Старик дал сыну три совета, которым тот и последовал. Пока другие люди напрасно старались доверху наполнить человеческую кожу золотыми предметами³⁴, сын старика по совету

своего отца натолкал в человеческую кожу глины и сухих листьев (ятЭрэ-пхьарчЭрэ) и только на самый верх положил слой золотых предметов (дышгэ токлу ычЫлу тэрилхьэжэг), так что человеческая кожа казалась доверху наполненной золотом, — так решил он первую задачу. В то время как другие люди перед восходом солнца смотрели на восток, сын старика по совету своего отца смотрел на запад. За несколько минут перед восходом, когда на востоке солнца еще не было видно, на горных вершинах на западе уже были видны солнечные лучи. «Здесь солнечный свет! (мырары тыггэнэфыр!)» — закричал сын старца, указывая на освещенные горные вершины на западе, и тем решил вторую задачу. В то время как другие люди старались особенно хорошо кормить своих собак и ласкали их, сын старца по совету своего отца несколько дней не давал своей собаке есть и беспрестанно бил ее плеткой. Когда же люди собрались и принесли своих собак, то каждый рассказал о том, как хорошо он относился к собаке. Один сказал: «Моя собака наверняка заговорит, потому что я кормил ее нежнейшим мясом ягненка». Другой говорил: «Я кормил свою собаку молоком и маслом (сэ сихьа шэрэ-тхьурэггэ езггэтхьаггэ) — она, конечно, не оставит меня в беде и заговорит». Сын старца сказал: «Я обращался с моей собакой самым лучшим образом. Она все время лежала на мягкой шелковой подстилке и досыта ела оленьих мозгов»³⁵. — «Ты бессовестный лжец (Шьыхьэ-куцЫггэ зэзггэггэшхечІаггэ)³⁶, — вскричала с негодованием собака. — Ты совсем не кормил меня, и от тебя мне пришлось многое претерпеть (бо кьин сыбгьалгьаггуггэ)» — так была решена третья задача. Так сын старика стал ханом.

Его подданные удивлялись его мудрости. Некоторые говорили: «Этого он не мог придумать своим разумом (ащ сакьылау исамыггэ ар кьыггьотэггэп)» и спрашивали его об этом сами. «Обыщите

³⁴ В тексте стояло: «цЫфышгьор адырэмы дышгэкье изэу афышыггэп», букв.: «человеческая кожа для других не стала полной золотом», т.е. «другие не увидели, что человеческая кожа наполнилась золотом».

³⁵ Мозг оленя (сыхьыкуцІ) считался особым лакомством.

³⁶ Форма «зызггэггэшхечІаггэ» является каузативом «интенсивного» глагола. «Интенсивы» образуются посредством приставки жэ... ггэ и суффикса чІэ, жь, например, «зэггэшхечІенэу» — «наестся до отвала», «зэггэкуечэнэу» — «идти до полной усталости» («уходиться») и т.д. Каузативы образуются посредством приставки гге: «ггешхэноу» — «дать поесть», «кормить».

мой дом, и вы получите ответ на ваш вопрос», — ответил новый хан. Обыскали его дом и нашли в погребке его отца, которого, как они думали, он сбросил со скалы. «Если вы не будете убивать своих родителей, то тоже будете получать от них хорошие советы и извлекать из этого пользу», — сказал новый хан.

С тех пор люди решили оставлять в живых стариков, пока они сами не умрут.

Два путника

Два путника шли одной дорогой. Так как они должны были быть в пути четыре дня, то каждый взял еды на четыре дня (мефиплл гьогум зырытыгынхэу гьомылапхэу зэгъехъзырыгъ). Из двух путников один был Скупой, а другой — Щедрый. Два дня Щедрый давал скупому еду из своих запасов, а на третий день у него больше не было припасов. В полдень путники устроились на отдых. Скупой ел свою провизию, но своему спутнику ничего не предложил. И когда тот решился попросить у него немного еды, то Скупой потребовал, чтобы он выколол себе глаз. Делать было нечего (самал шиіэтыпи), и Щедрый выколол себе глаз. Он получил еду, и оба продолжили путь в молчании. На следующем привале повторилось то же самое. Щедрый долго не мог решиться выколоть себе второй глаз. Но так как он был очень голоден и должен был идти еще целый день, то не мог оставаться без еды и, наконец, решился выполнить требование Скупого. Но как только он выколол себе другой глаз, то Скупой быстро скрылся, не дав своему спутнику обещанной еды.

Несчастный Щедрый остался слепым и голодным на дороге. Изможденный, сел он под деревом. Тут прилетели два голубя, опустились на сук дерева, под которым сидел несчастный слепой, и заговорили человеческими голосами. Один сказал: «Город, куда ведет эта дорога, страдает от недостатка воды, и жители города отдают половину своего состояния тому, кто укажет им источник воды (шихъарым дысыхэр мылькъто ясэм ыпыкъто псыкъычІэрыгъекІыэрэм къыратышт). Но источник найти очень легко: нужно только откатить большой камень, что лежит на

опушке леса за городом». Другой сказал: «В этом городе живет король, дочь которого слепа, и он обещал руку своей дочери, а также половину королевства тому, кто возвратит зрение принцессе. А для этого нужно лишь разжевать лист этого дерева и натереть этим глаза слепой». Сказав это, голуби улетели. Щедрый нарвал на ощупь листьев с дерева, разжевал один лист, натер глаза — и снова стал видеть.

Он так обрадовался своему выздоровлению, что от радости забыл голод и усталость и продолжил свой путь. Он достиг города (шихъары дахъэи) и вошел в дом, где жила вдова (унэм ихъагъ шгъузабэ исэу). Он спросил ее: «Действительно ли дочь короля в этом городе слепа?» Когда она это подтвердила, он сказал, что может вылечить королевскую дочь. Вдова сказала: «Если ты сможешь ее вылечить, то они (король и его дочь?) будут очень рады (бгъахъужын плъэкІыыштэме, бо якъупэшт), я пойду и объявлю это им (сэ сыкІони ар ясІон)». Она поспешила в королевский дворец и рассказала, что пришел врач, который обещает вылечить королевскую дочь. Когда Щедрый путник натер глаза королевской дочери разжеванным листом, то глаза девушки стали видеть так же хорошо, как и прежде (пшгъашгэм ынэхэр апэу зэрышытыгъэхем фэдэу, нэфы албагъужыгъ), и девушка побежала к своему отцу (ятэ ыдэжи рэчагъ). Король очень обрадовался, отдал Щедрому свою дочь в жены и половину королевства в приданое. Так как Щедрый знал, где находится источник воды, то он добыл воду для жителей города³⁷ и получил за это половину состояния жителей города. Так он сделался богатым человеком и царем (баеу хъугъэ, пачахъо хъугъэ).

Через некоторое время Скупой случайно оказался в этом городе, встретил своего бывшего спутника и сильно удивился, увидев его здоровым и к тому же еще и царем. Щедрый рассказал ему, что с ним случилось (зырыхъугъэр риІотагъ). Скупой исполнился завистью. Он отправился к дереву, у которого он оставил тогда своего слепого спутника, выколол себе глаза и стал ждать голубей. Но голуби не прилетели, и Скупой умер от голода.

³⁷ В тексте было: «псыр къыздычІэкІыыштыр ышіэти щыхъарым дысымы псыр къычІыраригъашыгъ», букв.: «так как он знал, где вода снизу выходит, то он дал воде притечь (снизу) к жителям города».

Сова (Тыгъурыгъур)³⁸

У одного старого бедняка было совсем нечего есть, и он отправился искать пропитание. Было холодно. На дороге старик нашел полумертвую от холода сову и взял ее с собой. Вечером он пришел к одному дому и постучался. Хозяйка открыла, но сказала, что никого не пустит, потому что ее мужа нет дома. Старик попросил ее принести огня, чтобы хоть немного согреться. Хозяйка дала ему немного дров, он разжег у дома огонь и обогрелся. Вскоре он увидел человека, которого хозяйка сразу же впустила в дом. Старик внимательно наблюдал за всем, что делали и что говорили (женщина и ее гость) в доме (зеужэу аҭагъэрикЪ — ашҭагъэрикЪ кЪэльэплъэу). Через некоторое время подъехал хозяин, и старик увидел, что хозяйка быстро спрятала своего гостя и еду, которую она ему подала. Затем она вышла из дома и приветствовала своего мужа. Тот увидел старика и пригласил его войти [в дом]. Старик последовал приглашению хозяина дома, а свою полузамерзшую сову положил у печки. Хозяин приказал своей жене принести ужин. Жена принесла поленту (пҭастэ)³⁹. Между тем сова, которая сидела под печкой, начала согреваться (тыгъурыгъур жъартэм чЪэсыти рафабэжыгъ) и закричала: «Тыгъуру! Тыгъуру!» — «Молчи! — крикнул ей старик. — Об этом нельзя говорить!» — «А что она говорит?» — спросил любопытный хозяин. «Если ты спрашиваешь, то, уж так и быть, отвечу, — сказал старик. — Сова говорит, что на полке у стены спрятана миска с горячей хьалыжьё⁴⁰». Хозяин посмотрел и действительно нашел в указанном месте миску с хьалыжьё. «Ах, я совсем забыла, что эта хьалыжьё там стоит!» — сказала, потупившись, хозяйка. Пока хозяин и старик с удовольствием ели хьалыжьё, сова снова закричала: «Тыгъуру! Тыгъуру!» — «Да замолчи же! Тебя это не касается!» — сказал старик. «А что она говорит?» — спросил хозяин. «Если ты спрашиваешь, то, так уж и быть, скажу, — отвечал старик. — Она говорит, что вон там, у трубы, на потолке, висит жареная

курица». — «Ах да, правильно! — сказала, потупившись хозяйка. — Я совсем забыла!» И она принесла жареную курицу. В то время как хозяин и старик ели жареную курицу, сова снова закричала: «Тыгъуру! Тыгъуру!» — «Ну, это уже слишком! — крикнул ей старик. — Об этом ты помалкивай!» Хозяин дома снова спросил, что означают слова птицы, но старик не захотел ему рассказать. А сова все кричала и кричала, и старик делал вид, будто понимает ее. Хозяину стало невтерпеж. «Сейчас же говори, о чем кричит сова! Или я тебя убью!» — набросился он на старика. «Эта сова рассказывает совершенно невероятные вещи (мы тыгъурыгъуу ыӀорэр гъашъагъё), — сказал старик. — Но если ты требуешь, то, так и быть, скажу. Сова говорит, что за тем большим сундуком в углу...» — не успел он договорить до конца, как спрятанный за сундуком любовник хозяйки быстро выскочил из своего укрытия и выскочил из дома. Хозяин дома побежал за ним, но не смог его догнать и вернулся. Он попросил старика продать ему сову. Старик отказался, объяснив, что такой волшебной птицы больше нигде не найдется и поэтому ее нельзя продавать. В конце концов, хозяин предложил за нее двух быков и целую повозку зерна, и старик отдал ему сову.

Когда на следующее утро старик выезжал со двора с двумя быками и повозкой, то его догнала хозяйка, тайно выбежавшая за ним через заднюю калитку (адырэ къалап чэмгё), протянула ему кусок сукна на черкеску (цыепхъэ) и сказала: «Я подарю тебе это сукно, если скажешь, как можно уничтожить волшебную силу совы». Старик взял сукно и сказал: «Если ты хочешь уничтожить волшебную силу совы, то пусть придет твой любовник, затем вы оба разделенетесь и одновременно покажете сове своим срамные части» — и как можно быстрее уехал. А хозяйка позвала своего любовника. Оба разделись и одновременно показали сове свои срамные части. Она схватила своими когтями (ылъабжэ-гъэ) срамные части мужчины и женщины

³⁸ Я не уверен, что тыгъурыгъу действительно означает «сова». Во всяком случае, это ночная птица, о которой сообщается, что она кричит «тыгъурыгъу».

³⁹ *Пҭастэ* — паста — крутая пшенная каша, сваренная на воде. Заменяла адыгам хлеб. В немецком тексте Н. С. Трубецкой заменил слово «паста» более понятным европейскому читателю словом «полента» — так в Италии называют такую же крутую пшенную кашу (*Прим. А. А. Алиевой*).

⁴⁰ Своего рода жирная коврижка с сыром внутри. Считается лакомством.

и начала кричать. И чем больше они оба пытались освободиться, тем сильнее она кричала. Прибежали соседи и позвали хозяина дома. Тот схватил палку и бил свою жену и ее любовника так сильно и долго, что они полумертвыми свалились на землю.

Старый мужичонка и великаны

Жил однажды старый мужичонка (лЫжъыцЫкІу). Он был очень труслив (бо шинапхъу) и к тому же очень хвастлив. Когда он ночью должен был выходить по нужде, то всегда брал с собой свою старуху (ныожъыр дэришэу — штэгъ) и при этом рассказывал ей о своих предполагаемых подвигах. Однажды, когда он сидел под сараем и хвастался, а его жена стояла над ним (лЫжъыцЫкІур конэм чІэсэу, ныожъыр шъхьащытэу), то старуха сказала: «О ты, храбрый старик! Храбрый старик! (лЫдогъужъ! лЫдогъужъ!)» — «Что?! Ты говоришь, здесь волки? (тыгъужъи къаКІо?)» — закричал старый мужичонка и от страха вскочил так быстро, что стукнулся головой о низ сарая⁴¹. А так как такое повторялось весьма часто, то старухе это надоело и она решила исправить своего мужа. Однажды, когда он снова хвастался под сараем, в то время как она должна была стоять на выступе сарая и терпеливо слушать, то она быстро убежала домой и закрыла дверь. Старый мужичонка начал стучаться в дверь и жалобно кричать. Но старуха сказала: «Я не впущу тебя! Если ты мужчина, иди туда, куда ходят мужчины! (укъызгъахъаштэп! О лЫмэ, лЫхэр здакІорэм КІо!)» — «Но у меня нет ни одежды, ни еды на дорогу», — возразил старый мужичонка. «Всё нужное тебе (в дорогу) лежит на выступе сарая (зеожъо узыфаер, конытхъапэм щыльгы)», — сказала старуха. И действительно, он нашел там всё, что было ему нужно для путешествия. Теперь у него уже больше не было отговорок и он должен был отправиться в путь.

После того как старый мужичонка уже прошел некоторое расстояние, он пришел к реке и увидел великана, стоящего на другом берегу (гъогум рэкІори-пэтэу псым нэсыу, зепльым адырэ-чыгъе зы иныжъ

щытэу ыльгагъугъ). Великан закричал: «Эй, старый мужичонка! Иди сюда и перенеси меня через реку, иначе я поступлю с тобой вот так!» — и он раздавил камень в своей руке. Старый мужичонка вынул из своего дорожного мешка горсть муки и закричал: «Ты, дерзкий великан! Если ты не подойдешь и не перенесешь меня через реку, то я перемолю тебя, как вот этот камень!» — и он рассыпал муку. Великан, который еще никогда не видел муки, думал, что старик-де и вправду размолот камень в пыль, и испугался. Он перешел реку, посадил старого мужичонку на плечи и перенес его на противоположный берег. Переходя реку вброд, великан пустил ветры. Старого мужичонку подбросило вверх (жыбгъэм тарихъи), и он упал в воду. Но, к счастью, на мелком месте. «Что с тобой стряслось?» — спросил великан. «Когда ты меня нес, я заметил в воде рыбу и полетел на моих невидимых крыльях в воду, чтобы поймать ее»⁴², — ответил старый мужичонка и показал великану рыбу, которую он случайно нашел в воде между камнями. Великан снова испугался. «Ты, наверное, отличный охотник, — сказал он, — давай охотиться вместе!» Сначала старый мужичонка должен был ловить зверей, а великан — загонять их. Великан ушел в лес, поднял большой шум и выгнал множество лесных зверей. Старый мужичонка вскарабкался на дерево и не мог пошевелиться от страха. Когда дичь пробежала мимо, то старый мужичонка слез с дерева и пошел навстречу великану, держа в руках дятла, которого он нашел в дупле дерева. «Ты не вспугнул никакой дичи, — сказал старик великану. — Сюда прилетела только эта птица, и я поймал ее на лету (мы бзыуэ къабыбыгъати късибытыгъ)». На этот раз старый мужичонка пошел в лес, чтобы выгнать дичь на великана, а тот должен был ловить. Великан поймал и убил много дичи. Всех пойманных зверей они сварили и разделили мясо на две одинаковые кучи. Тогда сказал великан: «Давай есть на спор! (тызыфыгъашх!)» Каждый уселся перед своей кучей мяса. В то время как великан действительно ел мясо, старый мужичонка

⁴¹ Адыгские сараи (коны) стоят на сваях и окружены открытыми террасами или выступами (конэтхъапэ).

⁴² В тексте было: «пцэжъые блэкІыу сльгагъугъати къасубытынгъэ псым сылькІуагъ тхьам къагашІэ тамы сиІэу», букв.: «когда я увидел плывущую мимо рыбу, я вошел в воду, чтобы поймать ее, причем я обладаю крыльями, созданными богом».

выкопал рядом с кучей яму и незаметно сбрасывал в нее мясо. Наконец, великан так наелся, что уже не мог больше съесть. Но в его куче осталась еще рыба. А почти вся рыба из кучи старого мужичонки исчезла. Великан должен был с удивлением согласиться, что старый мужичонка съел больше. «Теперь давай ср... на спор! (тызыфыгыас!)» — сказал великан. Оба они присели, но старый мужичонка устроился около своей ямы с рыбой. В то время как великан напрягался / старался / тужился, старый мужичонка вынимал из ямы одну рыбку за другой, так что снова получилась большая куча, покрытая экскрементами только сверху. Великан увидел, что его превзошли и в этом споре. Он смутился, испугался и пригласил старого мужичонку к себе. «Ну, так носи меня туда!» — приказал старый мужичонка, и великан отнес его в свой дом.

Дома великан рассказал своим семьям братьям о необыкновенных свойствах своего нового знакомого. Великаны как раз собирались по дрова и предложили старому мужичонке помочь им. Старый мужичонка потребовал длинную веревку. Веревки, которые ему приносили, были для него слишком короткими. «Уж если мы пойдем по дрова, то должны принести запас на целых полгода! (тызыклогы ильэсныкьо икьун пхьа кьагхьышт!)» — сказал он. Семь братьев испугались и сказали: «Оставайся лучше дома! Такой большой веревки у нас нет!» А между собой они решили убить старого мужичонку. Старый же мужичонка слышал, как они говорили об этом, и принял свои меры. Когда вечером он отправился спать, то великаны сначала вышли из комнаты, чтобы гость заснул. А тот сразу же вскочил с кровати, положил под одеяло камни, а сам спрятался в углу комнаты. Через некоторое время, когда великаны решили, что гость уже заснул (хачлэр речежыгыэ ашбошго), они вошли в темную комнату и начали рубить саблями то, что лежало на кровати, пока сабли не затупились. Затем они ушли, убежденные, что убили старика (ауклыгы ашбошго блэкь-ижэгъэх). Старый мужичонка выбросил

камни из кровати, лег в кровать и отлично выспался (мыжьохэр чидзыхы ежыре пюм хэглэхьяжи дагъоу чыягы). Утром великаны вошли в комнату и с ужасом увидели, что их гость живой сидит на кровати. «Как тебе спалось?» — спросили они его. «Очень хорошо! — ответил старый мужичонка. — Только первое время, сразу после того, как я лег, по одеялу туда и сюда бегали мыши и крысы (чэшу-арэу сызагьолгыжым, шьуаэмэ — сшлэрэп, цыгъомы — сшлэрэп⁴³, сипюм трухъу — трухъу рагъалоу тытэгъэх). Но это мне совсем не мешало». Семеро великанов ушли и начали совещаться⁴⁴. «Сегодня ночью мы вскипятим много воды и через дыру в потолке зальем его комнату (нычепэ бо псыжьуу тыухьазырыпи хьачлэщны эшхьягье льыткльэн)», — решили они. Старый мужичонка услышал это. Вечером он улегся в кровать, но как только великаны покинули комнату, он также выскользнул из комнаты. Великаны вскипятели много воды и лили ее через дыру в потолке в комнату, пока она не заполнилась. Когда они решили, что гость уже умер, то удалились. Старик же проделал дыру в стене, выпустил всю воду, незаметно проскользнул в комнату, снова лег в свою кровать и заснул. Утром великаны в замешательстве увидели, что их гость снова сидит на кровати живой и здоровый. «Как тебе спалось?» — спросили они его. «Очень хорошо! — ответил старый мужичонка. — Только вначале на меня написала сверху кошка или крыса. Но это мне совсем не помешало». Великаны снова собрались на совет. «Итак, мы не в состоянии его убить (арымэ дгъакюдын тхьэкльыштэп), — единодушно решили они. — Мы дадим ему много дорогих подарков, а ты должен доставить его домой так же, как доставил его сюда!» Так сказали они своему старшему брату. Они собрали полный сундук золота и драгоценных камней (дышгэр — налмэс — налкьутхэрэ зы пхьатем дэзэу) и подарили всё старому мужичонке. Великан взял старого мужичонку на одно плечо, большой сундук с подарками — на другое и понес старого мужичонку к нему домой.

⁴³ Букв.: «Крысы — я не знаю, мыши — я не знаю». Если персональный префикс первого лица -с стоит перед *и*, то сочетание звуков *с+и* будет *ч*: *сшлэрэп* = *члэрэп* — «я не знаю»; *сихын* = *чхэн* — «я буду есть».

⁴⁴ Букв.: «были на моей кровати, в то время как было слышно, что они “трухуу-трухуу”».

Когда они уже приблизились к дому, старый мужичонка позволил великану немного отдохнуть, а сам побежал домой, чтобы предупредить жену. Он всё объяснил ей, как надо поступить, что говорить, и добавил: «Если нам повезет, то великан испугается, если же нет, то он сожрет нас обоих (тинасыпымэ иньжыыр къаштэн армырме сэчикъ, орикъ тишхышт)». Вскоре пришел великан, снял с плеча сундук и устало сел. Старый мужичонка приказал своей жене принести еду, и она принесла только одну миску поленты. «Но мы устали и не можем насытиться только одной полентой (пастэ къодие). Принеси нам мяса!» — приказал старый мужичонка. «Но у нас нет мяса (лы те тиЭп), — ответила его жена. «Не может быть / Как же так?⁴⁵ — удивился старый мужичонка. — Когда я уходи, у нас на крыше лежали еще целых три убитых великана». — «Но я их уже давно съела и еще вчера одолжила у соседей половину великана, потому что мне нужно было мясо для супа», — возразила хозяйка. Когда великан услышал эти слова, то испугался так, что сразу же вскочил и убежал, причем дверной косяк остался висеть у него на плечах.

Когда он бежал, то повстречал лисичку (баджэжие). «Почему ты так быстро бежишь?» — спросила лисичка. «Я боюсь, что старый мужичонка и его жена меня съедят! (лыжымыкъ ньюжымыкъ сашхынгэ сашыни сачэ!)» — ответил великан. «Не будь таким глупцом! — возразила лиса. — Этот старик и его жена сами тебя боятся! Давай я пойду с тобой (сэ къыудэкӀон), и мы их накажем!» Великан поверил лисьим словам, повернул назад (ышгӀошорахӀуи кълъежагӀ) и пошел вместе с лисой к дому старого мужичонки. Между тем старый мужичонка сказал своей жене: «Пойду посмотрю, не возвращается ли великан», — и поднялся на крышу (лыжыдыкъӀум «иньжыыр мэкӀожымэ сепльын») — ыӀуи, унашхам дэкӀуеягӀ). Когда он увидел великана вместе с лисой, то сразу понял, что случилось, и крикнул

лисе: «Ты, хитрая лиса! Я знаю, что у тебя на уме! Ты хочешь отдать мне этого великана за того убитого, которого я одолжил тебе на прошлой неделе? Так не пойдет! Я не возьму этого великана за того, которого одолжил тебе (мы иньжэ сэ остэгӀагӀэмгӀэ сештэштӀэп), потому что тот был сочный и жирный, а этот совсем исхудал (уадеу хӀугӀэ), потому что я много дней ездил на нем!» Когда великан услышал это, то дал лисе такого пинка, что она замертво растянулась на земле, а сам без оглядки убежал прочь. Старый мужичонка и его жена забрали все дорогие вещи, принесенные в сундуке, разбогатели и зажили в довольстве.

Примечание: Эта сказка (вообще-то весьма распространенный международный сюжет) присутствует на адыгской земле во многих вариантах. Кабардинский вариант сообщил Л. Г. Лопатинский в СМОМПК XII, I. С. 137 сл.

Лесной черт (МэзылӀыныкъо)⁴⁶

Однажды охотник охотился в лесу в верховьях Лабы (ЛэбашгӀхӀа) и внезапно встретил лесного черта, который схватил его и крепко держал. Охотник запросил пощады, но лесной черт сказал: «Вы, люди, настолько лживы, что не можете и слова сказать, не соврав. Я отпущу тебя только при условии, что три раза подряд ты скажешь мне правду». Охотник немного подумал и сказал: «В жизни не видел такого ужасного страшилища, как ты, — это моя первая правда. Если бы я знал, что ты здесь обитаешь, то никогда бы не пришел сюда, — это моя вторая правда. И если ты теперь меня отпустишь, то я наверняка никогда здесь не появлюсь, — это моя третья правда». Лесной черт должен был признать, что охотник говорил только правду. Он отпустил охотника, и тот поспешил прочь, чтобы никогда не возвращаться в этот лес.

Вена, январь 1933 г.

Перевод с немецкого Т. В. Кудрявцевой

⁴⁵ В тексте было: «лэ щимэӀохуна?», букв.: «как случилось, что там нет мяса?».

⁴⁶ Слово «мэзылӀыныкъо», которое здесь переведено как «лесной черт», означает, собственно говоря, «половина лесного человека», «лесной получеловек». Это человеческое существо, которое представляют как гигантского человека с одной рукой и одним глазом (сходное с лесным чертом *ralesmurt* вотяков и других угро-финских народов). Мне не удалось установить, является ли этот лесной черт для сегодняшних адыгейцев только сказочным персонажем или же существует в народных верованиях.